

ВЛИЯНИЕ СОСТОЯНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

А.В.Мирошниченко

преподаватель кафедры психологии и педагогики

Национального технического университета Украины

«Киевский политехнический институт»

У статті аналізується взаємодія та протистояння націй, що проживали в Україні у другій половині XIX ст., яке сприяло появі нових тенденцій у розвитку освіти та рівня освіченості населення. Це вплинуло як історичний розвиток країни, так і на подальший стан національних меншин.

Ключові слова: національні меншини, розвиток освіти.

Стратегическая неустойчивость юга Российской империи не давала большинству ее жителей достаточного времени для их экономического развития. Как ремесленники и крестьяне-хлебопашцы, люди приходили на эту землю, чтобы жить на ней, обрабатывать, сделать плодородной и пустить на ней корни. Усложняли же их положение этническая политика царской администрации и, особенно, нагнетание антисемитских настроений (еврейские погромы) и межконфессиональные разногласия как внутри инновационных общин, так и в окружающих селах и городах. Православие, католицизм, евангелическо-лютеранское и другие вероисповедания, а также униатскую церковь можно было встретить практически в любом местечке, где жили украинцы, русские, евреи, поляки, литовцы, немцы и др. [6]

Отдельно от перечисленных выше групп легальных переселенцев в лице образованнейшей части немецкого народа, приглашенного на государственную службу, и переселенцев-колонистов, стоят так называемые «*волинские немцы*», которые жили разрозненными этническими группами и конфессиональными меньшинствами на Волыни и северо-западной Украине уже с XII-XIII в. [7] В связи с пребыванием их предков в Польше, а затем в Украине как составной части Российской империи, на развитие их культуры и быта влияли как польская, литовская и украинская, так и российская стороны. В процессе быта и трудовой деятельности волинские немцы тесно общались также с евреями и чехами. Территория, на которой они жили, подвергалась многочисленным и продолжительным военным нашествиям как с востока, так и с запада и поэтому здесь образовалась причудливая смесь религиозных и культурных направлений и течений из Франции, Германии и России. В результате своего географического положения и дли-

тельного проживания в ней византийских и римских христиан, а также других народов, территория Волыни всегда была «проходным двором» Европы. Однако это не помешало немецкой школе, как в городах, так и в колониях, достичь более значительных успехов в охвате всеобщим обучением грамоте по сравнению с другими некоренными народами Российской империи, например евреями.

В Украине, как и в Поволжье, кроме школ начального (Grundschule) типа, каких было около тысячи, организованных в основном при церквях почти в каждой колонии, существовали и школы повышенного уровня образования – общеобразовательные (Hauptschule или Realschule по современной германской терминологии – А.М.) *центральные училища*. Жившие в Украине меннониты первыми в Российской империи осознали потребность основания как общеобразовательных центральных училищ, так и специальных (Lehre,-Berufs,-Fachschule) средних учебных заведений: торговых, коммерческих, по подготовке учителей, женских и т.п. Первое на Украине центральное училище по подготовке учителей и писарей было открыто еще в 1820 г. в колонии Орлов по инициативе И. Корниса [5], второе меннонитское центральное училище было открыто в 1835 г. в красивейшей колонии Гальбштадт Бердянского уезда, то есть раньше, чем в Поволжье. В среднем уровень образования немецко-переселенцев всех конфессий на Украине был выше, чем в других губерниях Российской империи.

Не хотели отставать от меннонитов и немцы-колонисты других конфессий. Богатый землевладелец *Фейн* построил в Пришибе Таврической губернии школу для детей католиков и лютеран. На основании Указа от 18 июня 1846 г. было открыто «Пришибское центральное училище» с целью «образовать

учителей и писарей, сведущих в русском языке”, единственное, в котором, по примеру меннонитов, обучались вместе мальчики и девочки [4].

Для сравнения можно привести положение еврейской школы в Украине в черте оседлости с начала XIX в. и до 1917 года.

Еврейская черта оседлости проходила через Волынь, где пересекались исторические судьбы еврейского и немецкого народов. Еврейскую диаспору во всех странах, в том числе и в России, объединял культ особого рода, особенностью которого было то, что он был обязательным и исключительным для всех членов израильского племенного союза и выросших из него царств Израиля и Иудеи. Эта обязательность и исключительность прошла две стадии: сначала “ревнивый бог Яхве” запретил только почитать иных богов на отданной им территории, а существование других локальных богов, покровителей иных общин и племен, не отрицалось. Но вскоре все боги, кроме Яхве, были объявлены богами “из камня, дерева и металла”, поскольку были изображаемы, а Яхве был незрим и изображению не подлежал. В результате религия Яхве взяла на себя социально-психологические, поведенческие и даже этические функции. Это и делало иудейскую общину своеобразным культурным кругом, хотя и достаточно узким. Часть древних иудеев стала говорить по-арамейски, часть – по-гречески, то есть на языках окружающего населения. И лишь узкая группа людей говорила и в древности, и позже на языке, тогда еще называвшемся не *иврит* (то есть еврейский), а на *кенаанит*, то есть ханаанейский.

Поэтому грамотность на языках областей проживания (русском, украинском или польском) в еврейской черте оседлости на Украине была низкой. Это объяснялось тем, кагалы не допускали еврейских детей до обучения русскому языку в каких-либо общих учебных заведениях, немецкий же язык (вернее, близкий к баварскому диалекту *идиш* – А.М.) был языком общения. Еврейские депутаты в Петербурге даже настаивали, что “не считают за нужное учреждение таких еврейских школ”, где преподавались бы какие-либо языки, кроме еврейского” (имелся в виду иврит). Они признавали только начальную школу *хедер* на идиш или иврите и *ешибот* – школу повышенного типа для углубления знаний по Талмуду на иврите. Свой ешибот существовал почти в каждой крупной общине. Исключением были только Вильна (сейчас – Вильнюс), где под влиянием связей с Германией укрепилась группа интеллигентов – “маскилим” и Одесса, молодая столица Новороссии, населённая как многими еврейскими выходцами из Галиции, так и людьми самых разных

национальностей, полная торговым движением. Здесь кагал уже не чувствовал себя сильным, а интеллигенция пыталась ощущать себя независимой и в культуре, в одежде, во внешнем виде, сливалась с окружающим населением.[3,9] Но, хотя большинство одесских евреев противилось учреждению общеобразовательной еврейской школы, во многом благодаря усилиями местной администрации, в 30-е годы XIX в. в Одессе (а затем и в Кишинёве) все таки возникли светские частные еврейские школы и имели успех.

Ещё в 1831 г. Николай I желал успехов в образовании евреев “для преодоления еврейской отчуждённости от основного населения, в которой и видел главную опасность”, указывал, что “в числе мер, могущих улучшить положение евреев, нужно обратить внимание на исправление их обучением, заведением фабрик, запрещением ранних браков, лучшим устройством кагалов, переменою одеяния”. А в 1840 г., при учреждении “Комитета для определения мер коренного преобразования евреев в России”, одной из первых целей комитета считал: “Действовать на нравственное образование нового поколения евреев учреждением еврейских училищ в духе, противном нынешнему талмудическому учению”.

При Николае I власти не только не мешали ассимиляции евреев, но и призывали к ней, однако массы оставались под кагалным влиянием, опасаясь принудительных мер в области религии. Впрочем, школьная реформа своим чередом началась, с того же 1844 г., несмотря на крайнее сопротивление руководящих кругов кагалов. Были учреждены два вида казённых еврейских училищ: двухлетние, соответствующие русским приходским, “по образцу австрийских элементарных училищ для евреев” и четырёхлетние, соответствующие уездным училищам. В них только еврейские предметы преподавались еврейскими педагогами (и на иврите), а общие — “гоями” (“гой” - все не евреи – А.М.). По этому поводу “неистовый революционер” Лев Дейч писал: “Венценосный изверг приказал обучать их (евреев – А. М.) русской грамоте”. Во главе этих школ долгие годы ставились христиане и лишь много лет спустя – евреи. Большинство еврейского населения, верное традиционному еврейству, узнав или угадывая тайную цель министра просвещения графа Уварова, смотрело на просветительные меры правительства, как на один из видов гонений. Уваров же, ища возможные пути сближения евреев с христианским населением через искоренение “предрассудков, внушаемых учениями Талмуда”, хотел и вовсе исключить его из образования, считая его кодексом антихристианским. При неизменном недоверии к российской вла-

сти, ещё немало лет еврейское население отворачивалось от этих школ, испытывало "школобоязнь". Подобно тому, как население уклонялось от рекрутчины, оно спасалось и от школ, боясь отдавать детей в эти рассадники "свободомыслия". Зажиточные еврейские семьи зачастую даже посылали в казённые училища вместо своих детей чужих, из бедноты. Таким, например, был П.Б.Аксельрод из совсем бедной семьи, посланный кагалом в казённое училище лишь для отбытия развёрстки. А затем он уже естественно подался в могилёвскую гимназию, потом в Нежинский лицей и дальше в политическую известность как соратник Плеханова и Дейча.

И если к 1855 г. только в "зарегистрированных" хедерах училось 70 тыс. еврейских детей, то в казённых училищах обоих разрядов всего 3200 детей. Этот испуг перед гражданским образованием ещё долго сохранялся в еврействе. Тот же Л.Дейч вспоминает, как было в 60-х годах, и не в каком-нибудь захолустье, а в Киеве: "Хорошо помню то время, когда мои соплеменники считали грехом учиться русскому языку" и лишь по необходимости допускали его "только в сношениях с гоями". Даже и в 70-е годы поступление в гимназию считалось предательством еврейской сущности, гимназический мундир был знаком богоотступничества. Между евреями и христианами лежала пропасть, переступить которую могли только единичные евреи, и то лишь в крупных городах, где еврейское общественное мнение не сковывало личной воли в такой степени. Учиться в русских университетах еврейская молодёжь черты оседлости не стремилась, хотя окончание их давало евреям, по рекрутскому закону 1827 г., пожизненное освобождение от воинской повинности. Однако в более состоятельных кругах русского еврейства, особенно в Одессе, Вильно и Киеве, возрастало стремление в общие учебные заведения.

Однако в этих казённых еврейских училищах "не только смотрители-христиане, но в большинстве случаев и учителя-евреи, преподававшие еврейские предметы на языке общения российской еврейской диаспоры - немецком, отнюдь не были на должной высоте". Поэтому одновременно с учреждением казённых училищ было решено построить высшую школу для подготовки учителей и создать кадры более образованных раввинов, которые и действовали бы в прогрессивном направлении на народную массу. Такие "раввинские училища" были учреждены в Вильно в Литве и Житомире (1847) на Украине. Как ни реакционны и враждебны евреям были законы Николая I-го о "еврейских казённых начальных и раввинских училищах", эти училища волею неволей приобщали какую-то часть еврейских

детей к светскому образованию. Многие из выпускников раввинских училищ, не находя ни учительских, ни раввинских должностей, шли дальше учиться в университеты, становясь врачами и адвокатами.

Но почти магическое изменение в судьбах немецкой и еврейской диаспор в отношении светского образования произошло после издания нового воинского устава (1874), "предоставлявшего льготы по службе лицам с образованием" и с той поры начался наплыв евреев в общую школу. Немцы же, будучи уверенными в своих позициях на государственной службе, не сумели разглядеть радикальных изменений в политической ситуации, а образовательный вопрос считали для себя решённым. Даже в ортодоксальных еврейских семьях стали отправлять сыновей в средние и высшие учебные заведения ради избавления от воинской службы. В 70-80 гг. XIX в. произошёл огромный рост числа евреев-учащихся в общих учебных заведениях и создание многочисленного слоя дипломированной еврейской интеллигенции. Во всех университетах России в 1881 г. евреев стало около 9 %, к 1887 выросло до 13,5 %, то есть каждый седьмой студент был евреем. А в отдельных университетах и много больше: в Харькове на медицинском факультете – 42 % евреев; в Одессе – 31 %, а на юридическом – 41 %. Во всех гимназиях и прогимназиях страны процент евреев в 70-80 гг. XIX в. удвоился – до 12 %, сравнительно с 1865 г – учетверился; в Одесском учебном округе к 1886 г. достиг 32 %, по отдельным же учебным заведениям – 75 % и больше [9]. Из зажиточных купеческих семей происходили Натансон, Дейч, Аптекман и многие другие.

Так как в своей массе высшие и средние чины российской администрации традиционно были германофилами, то официальное отношение к живущим в России немцам было положительным. Однако с восьмидесятых годов XIX века общее положение всех немцев в Российской империи ухудшилось, что может быть объяснено тем, что в 1871 г. формально закончилось объединение немецких земель и появилась *Германская империя*, которая выступила против имперских планов России на Балканах и началось великое противостояние России и Германии, перешедшее в XX век и принесшее неисчислимыя несчастья всему человечеству, особенно немцам, жившим в России. Кроме этого, в сознание россиян проводились мысли типа: "... ведь не надобно забывать, что число чисто немецкого населения, игравшего роль в судьбах России, то есть остзейского дворянства и заезжих авантюристов (немецкие колонисты в счет не идут) совершенно ничтожна [2]" или "...В придворной сфере, всегда влиятельной в

монархическом государстве, число немцев у нас весьма значительно ...стоит перечислить фамилии первых членов двора со времени переименования стольников, кравчих, конюших в обер-гофмаршалы, обер-шенки, обер-шталмейстеры...” Законодательные акты почти полностью ликвидировали самоуправление в колониях, льготное налогообложение и права на землевладения. Появились статьи в газетах и журналах, книги, в которых утверждалось, что немцы планомерно захватывают Россию, скупая землю. Основания для таких заявлений имелись, так как немцы - колонисты, более крепкие в экономическом отношении, чем местные жители, и более восприимчивые к частному предпринимательству в силу уже сложившихся традиций, преуспевали в скупке земли у разорившихся помещиков [8,10]. К 1908 г. в Российской империи проживало около 2 миллионов 70 тысяч немцев, из них в Таврической и Новороссийской губерниях около 400 000 человек. К сожалению, это начало оборачиваться против немцев, в особенности колонистов, так как они все более и более стали восприниматься как “инородное тело”, были даже предложения

землевладения колонистов считать “нерусскими землевладениями”. Царское правительство и часть интеллигенции встревожились, так как ранее весь расчет строился на том, что немцы-колонисты выполняют задачу хозяйственного освоения пустующих окраинных земель, а сами ассимилируются и растворяются в общей массе российского населения.

А среди просвещённого еврейства стал усиливаться процесс уподобления всему русскому. Европейское образование и знание русского языка стали необходимыми жизненными потребностями, все бросилось на изучение русского языка и русской литературы. Многие думали только о том, как скорее породниться и совершенно слиться с окружающей средой, ратовали не только за усвоение русского языка, но и за такое проникновение “русским духом”, чтобы еврей ничем, кроме религии, не отличался от прочих граждан. Так сработал тысячелетний опыт жизни евреев в диаспоре, при переходе в состоянии мобильной диаспоры, начавшийся безуспешными волнениями 1905 г. и успешно закончившийся октябрьской революцией 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Безносова О.В. Роль немецких колонистов и меннонитов в распространении протестантизма среди православного населения Украины во второй половине XIX века / О.В.Безносова // Материалы украинско-германской конференции “Вопросы германской истории. Немцы в Украине”. – Днепропетровск: ДГУ, 1996. – С.76-86.
2. Велицин С.И. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге России и Востоке Сибири / С.И.Велицин. – С.-Петербург., 1893. – 282 с.
3. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800-1825 г. / Е.И.Дружинина. – М.: Наука, 1978. – 205 с.
4. Дынгес А. Немецкий Нью-Йорк в Донецкой степи: история и современность / А.Дынгес // Deutscher Kanal. – 1999. – № 7 (76). – Р. 6.
5. Дынгес А. Мартиролог немецкой элиты / А.Дынгес // Deutscher Kanal. – 1998. – № 11. – Р.9.
6. Иностранцы в России // Исторический Вестник. – 1903. – Т. XCII. – С. 20.
7. Падалка Л. Землевладения немцев бывших колонистов в Херсонской губернии / Л.Падалка // Сб. Херсонского земства. – 1891. – № 6. – С. 41.
8. Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России / Г.Писаревский. – М., 1909. – 307 с.
9. Статистико-экономический отчет по Одесскому уезду за 1889 г. А.С. Бориневича. – Одесса, 1889. – С.37-39.
10. Шах Я. Очерки из истории и жизни южнороссийских колоний / Я.Шах. – М., 1916. – 87 с.

Стаття надійшла до редакції 22.02.2010 р.